

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖЕК ЛОНДОН

Мартин Иден

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Jack London
MARTIN IDEN

Перевод с английского под редакцией
Е. Калашниковой

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
художника *Ньюэлла Конверта Уайта* (1882—1945)

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Лондон, Джек.

Л76 Мартин Иден / Джек Лондон ; [пер. с англ.
Е. Д. Калашниковой]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 544 с.

ISBN 978-5-699-99921-7 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-99922-4 (100 главных книг)

«Мартин Иден», выдающийся роман Джека Лондона о человеке из низов, добившемся успеха, о поиске места в жизни, муках творчества и муках любви, оказался пророческим: Джек Лондон во многом повторил судьбу своего героя.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99921-7
ISBN 978-5-699-99922-4

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА I

Тот, что шел впереди, отпер дверь своим французским ключом. Молодой парень, шагавший следом, прежде чем переступить порог, неловко сдернул кепку с головы. На нем была простая, грубая одежда, пахнувшая морем; в просторном холле он как-то сразу оказался не на месте. Он не знал, что делать со своей кепкой, и собрался уже запихнуть ее в карман, но в это время спутник взял кепку у него из рук и сделал это так просто и естественно, что парень был тронут. «Он понимает, — пронеслось у него в голове, — он меня не выдаст».

Раскачиваясь на ходу, широко расставляя ноги, словно пол под ним опускался и поднимался на морской волне, он шел за своим спутником. Огромные комнаты, казалось, были слишком тесны для его размашистой походки, — он все время боялся зацепить плечом за дверной косяк или смахнуть какую-нибудь безделушку с камина. Он шаркался из стороны в сторону и тем увеличивал опасность, существовавшую больше в его воображении. Между роялем и столом, заваленным книгами, могли свободно пройти шесть человек,

но он отважился на это лишь с замиранием сердца. Его большие руки беспомощно болтались, он не знал, что с ними делать. И когда вдруг ему показалось, что он вот-вот заденет книги на столе, он отпрянул, как испуганный конь, и едва не повалил табурет у рояля. Он взглянул на своего уверенно шагавшего спутника и впервые в жизни подумал о том, как неуклюжа его собственная походка и как она отличается от походки других людей. На мгновение его обожгло стыдом от этой мысли. Капли пота выступили у него на лбу, и, остановившись, он вытер свое бронзовое лицо носовым платком.

— Артур, дружище, погодите немножко, — сказал он, пытаясь шутивым тоном замаскировать свое смущение. — Слишком уж для меня много на первый раз. Дайте собраться с духом. Вы ведь знаете, что я не хотел идти, да и вашим-то едва ли так уж не терпится посмотреть на меня.

— Пустяки! — последовал успокоительный ответ. — Вам нечего бояться нас. Мы люди простые... Эге! Кажется, мне письмо!

Артур подошел к столу, вскрыл конверт и стал читать, предоставляя гостю возможность прийти в себя. И гость это понял и оценил. Он был от природы чуток и отзывчив и, несмотря на внешнюю растерянность, не утратил этих чувств и сейчас. Он снова вытер лоб и обвел комнату сосредоточенным взглядом, но в этом взгляде все еще была тревога, как у дикого животного, опасющегося западни. Он был окружен неведомым, он боялся того, что его ожидало, он не знал, что ему делать, и понимал, что держится нескладно и что, вероятно, не-

складность эта проявляется не только в походке и жестах. Чувствительность его была обострена, смущение дошло до предела, и лукавый взгляд, который украдкой бросил на него Артур поверх письма, поразил его, как удар ножом. Он поймал этот взгляд, но не подал виду, так как многому уже успел научиться, и прежде всего дисциплине. Однако этот удар ножом ранил его гордость. Он выругал себя за то, что пришел, но тут же решил: будь что будет, но раз уж он здесь, то выдержит все до конца. Лицо его приняло суровое выражение, и в глазах сверкнул сердитый огонь. Он снова огляделся, теперь уже более уверенно, стараясь запечатлеть в своем мозгу все детали окружающей обстановки. Ничто не ускользнуло от его широко раскрытых глаз; и по мере того как он глядел на эти красивые вещи, сердитый огонь в его глазах угасал, сменяясь теплым блеском. Он всегда живо откликался на красоту, а здесь было на что откликнуться.

Его внимание привлекла картина на стене, писанная маслом. Могучий вал разбивался о прибрежную скалу; низкие грозовые облака покрывали небо, а по бушующим волнам, освещенная закатными лучами, неслась маленькая шхуна, сильно накренившись, так, что вся ее палуба была открыта взгляду. Это было красиво, а красота неодолимо влекла его. Он забыл о своей неуклюжей походке и подошел к картине вплотную. Красоты как не бывало. Он с недоумением взирал на то, что теперь казалось грубой мазней. Затем он отошел. И тотчас же картина снова стала прекрасной.

«Картина с фокусом», — решил он, отворачиваясь, и среди новых нахлынувших впечатлений успел с негодованием подумать о том, что столько красоты принесено в жертву ради глупого фокуса. Он не имел понятия о живописи. До сих пор он знал лишь хромофотографии, которые были одинаково гладки и отчетливы издали и вблизи. Правда, в витринах магазинов он видал картины, написанные красками, но стекло не позволяло разглядеть их как следует.

Он оглянулся на своего друга, читавшего письмо, и взгляд его упал на лежавшие на столе книги. Его глаза загорелись жадностью, как у голодного при виде пищи. Он невольно шагнул к столу и начал с волнением перебирать книги. Он глядел на заглавия и имена авторов, читал отдельные фразы в тексте, ласкал книги глазами и руками и вдруг узнал книгу, которую недавно прочел. Но все другие книги, кроме этой, были ему совершенно неизвестны, так же как и их авторы. Ему попался томик Суинберна, он стал читать и забыл, где находится; лицо его разгорелось. Дважды он закрывал книгу, чтоб посмотреть имя автора, указательным пальцем заложив страницу. Суинберн! Он запомнит имя. У этого Суинберна был, видно, наметанный взгляд, он умел видеть очертания и краски. Но кто он такой? Умер он лет сто тому назад, как большинство поэтов, или жив и еще пишет? Он перевернул заглавную страницу. Да, этот Суинберн написал и другие книги. Ладно, завтра же утром он пойдет в публичную библиотеку и попробует достать что-нибудь из его сочинений.

Он так увлекся чтением, что не заметил, как в комнату вошла молодая девушка. Его заставил опомниться голос Артура:

— Руфь! Это мистер Иден.

Книга захлопнулась, и, прежде чем повернуться, он весь задрожал от нового, еще незнакомого ощущения, вызванного, однако, не появлением девушки, а словами ее брата. В этом мускулистом теле жила обостренная чувствительность. Под малейшим воздействием внешнего мира его чувства и мысли вспыхивали и играли, как пламя. Он был необычайно восприимчив и впечатлителен, а его пылкое воображение все время работало, устанавливая связь между вещами, их сходство и различие. Слова «мистер Иден» — вот что заставило его вздрогнуть. Он, которого всю жизнь звали «Иден», или «Мартин Иден», или просто «Мартин», — вдруг «мистер». «Это уже кое-чего стоит», — отметил он про себя. Его сознание вдруг словно превратилось в огромную камеру-обскуру, и перед ним, обгоняя друг друга, замелькали знакомые картины: кочегарки, трюмы, доки, пристани, тюрьмы и трактиры, больницы и мрачные трущобы; все это нанизалось на один стержень — форму обращения, к которой он привык в жизни.

Но тут он обернулся и увидел девушку. Беспорядочные видения, роившиеся в его памяти, сразу исчезли. Перед ним было бледное, воздушное существо с большими одухотворенными голубыми глазами, с массой золотых волос. Он не знал, как она одета, — знал лишь, что наряд на ней такой же чудесный, как и она сама. Он мысленно сравнил

ее с бледнозолотым цветком на тонком стебле. Нет, скорей она дух, божество, богиня, — такая возвышенная красота не может быть земной. Или в самом деле правду говорят книги и в других, высших кругах общества много таких, как она? Вот ее бы воспеть этому Суинберну. Может быть, он и думал о ком-нибудь, похожем на нее, когда описывал Изольду в книге, которая лежит там, на столе. Вся эта смена мыслей, образов и чувств заняла одно мгновение. А внешние события шли своей непрерывной чередой. Руфь протянула ему руку, и он заметил, как прямо смотрела она ему в глаза во время крепкого, совсем мужского рукопожатия. Женщины, которых он знал, не так пожимали руку. Они вообще редко здоровались за руку. Его снова захлестнул целый поток пестрых картин, воспоминаний о встречах и знакомствах с разными женщинами. Но он отогнал все эти воспоминания и смотрел на нее. Такой он никогда не видел. Женщины, которых он знал... Немедленно рядом с нею выстроились «те» женщины. В течение секунды, показавшейся вечностью, он словно стоял посреди портретной галереи, в которой она занимала центральное место, а вокруг теснилось множество женщин, и каждую надо было оценить беглым взглядом, сравнив и сопоставив с нею. Он увидел худые, болезненные лица фабричных работниц и задорных девчонок городской улицы; увидел батрачек с огромных скотоводческих ранчо и смуглых жительниц Мексики с неизменной сигаретой в зубах. Потом замелькали похожие на кукол японки, семенящие на деревянных подошвах;

женщины Евразии с тонкими чертами лица, уже отмеченные признаками вырождения; за ними пышнотелые женщины островов Тихого океана, в венках из цветов, оттеняющих их темную кожу. И, наконец, всех оттеснила чудовищная, кошмарная толпа — растрепанные потаскухи с панелей Уайтчепела, пропитанные джином ведьмы из темных притонов, целая вереница исчадий ада, грязных и развратных, жалкие подобия женщин, подстерегающие моряков на стоянках, отбросы гаваней, пена и накипь людского котла.

— Садитесь, мистер Иден, — сказала девушка. — Мне так хотелось познакомиться с вами, после того что нам рассказал Артур. Это был такой смелый поступок.

Он остановил ее движением руки и пробормотал, что все это сущий вздор, что всякий поступил бы так же на его месте. Она заметила, что рука, которую он поднял, покрыта свежими, заживающими ссадинами; посмотрела на другую руку и увидела то же самое. Потом, скользнув по нему быстрым испытующим взглядом, она заметила шрам у него на щеке, другой на лбу, под самыми волосами, и наконец, третий, исчезавший за крахмальным воротничком. Она подавила улыбку, увидав красную полосу, натертую воротничком на его бронзовой шее. Он, видимо, не привык носить воротнички. Ее женский глаз отметил и дурной, мешковатый покрой его костюма, складки у плеч, морщины на рукавах, под которыми обрисовывались могучие бицепсы.

Повторяя, что в его поступке нет ничего особенного, он послушно шагнул к креслу. При этом

он успел полюбоваться той непринужденной грацией, с которой села она, и смутился еще больше, представив себе свою нескладную фигуру. Это было ново для него. Ни разу в жизни не задумывался он над вопросом, ловок он или неуклюж. Ему никогда в голову не приходило смотреть на себя с такой точки зрения. Он осторожно присел на край кресла, не зная, куда деть свои руки. Как он их ни клал, они все время мешали ему. А тут еще Артур вышел из комнаты, и Мартин Иден с невольной тоской посмотрел ему вслед. Оставшись в комнате наедине с этим бледным духом в женском облике, он окончательно растерялся. Тут не было ни стойки, где можно спросить джину, ни мальчишки, которого можно послать за пивом, чтобы при помощи этих располагающих к общению напитков завести дружескую беседу.

— У вас шрам на шее, мистер Иден, — сказала девушка. — Откуда он? Наверно, это след какого-нибудь необычайного приключения?

— Мексиканец меня хватил ножом, мисс, — отвечал он, проведя языком по губам и кашлянув, чтобы прочистить горло. — Была потасовка. А потом, когда я вырвал у него нож, он хотел мне откусить нос.

Он сказал это совершенно просто, а перед его глазами возникла картина той душной звездной ночи в Салина-Круц: белая полоса берега, огни груженных сахаром пароходов, голоса пьяных матросов в отдалении, толкотня грузчиков, искаженное яростью лицо мексиканца, звериный блеск его глаз при звездном свете, холод стали на шее, струя

крови, толпа и крики, два тела, сплетенные вместе и катающиеся на песке, и мелодичный звон гитары где-то вдали. Так это было, и, вздрогнув при одном воспоминании, он подумал о том, сумел ли бы изобразить все это красками тот, кто написал картину, висевшую на стене? Белый берег, звезды, огни грузовых пароходов, — все это должно бы здорово получиться, — а посередине, на песке, темная толпа вокруг дерущихся. Он решил, что и нож следовало изобразить на картине, — сталь так красиво блестела бы при свете звезд.

Но обо всем этом он не сказал ни слова.

— Да, он хотел откусить мне нос, — повторил он только.

— О! — воскликнула девушка, и в тоне ее голоса, и в выражении лица он почувствовал замешательство. Он и сам смешался, легкая краска разлилась по его загорелым щекам, но ему показалось, что они пылают, как после целого часа, проведенного у открытой топки котла. О таких неприглядных предметах, как драка на ножах, едва ли удобно беседовать со светской дамой. В книгах люди ее круга никогда таких разговоров не вели, — может быть, они даже не знали о подобных вещах.

Произошла легкая заминка в едва успевшей завязаться беседе. Тогда Руфь снова задала вопрос, на этот раз о шраме у него на щеке. Когда она сделала это, он понял, что она старается говорить с ним о том, что ему близко, и тут же решил, ответив, перевести затем разговор на то, что близко ей.

— Случай такой вышел, — сказал он, проводя рукой по щеке. — Однажды ночью, в большую

волну, сорвало грот со всеми снастями. Трос-то был проволочный, он и стал хлестать кругом, как змея. Вся вахта старалась его поймать. Ну, я бросился и закрепил его, только при этом меня звездануло по щеке.

— О! — воскликнула она опять, на этот раз с некоторым участием, хотя все эти «гроты» и «тросы» были для нее настоящей китайской грамотой.

— Этот... Свайнберн, — начал он, осуществляя свой план, но при этом делая ошибку в произношении.

— Кто?

— Свайнберн, — повторил он, — поэт.

— Суинберн, — поправила она его.

— Да, он самый, — проговорил он, снова покраснев. — Давно он умер?

— Я не слыхала, чтобы он умер. — Она посмотрела на него с любопытством. — А где вы с ним познакомились?

— Да я его и в глаза не видал, — отвечал он. — Я прочитал кое-что из его стихков вон в той книжке на столе, как раз перед тем, как вы пришли. Вам его стихи нравятся?

Она заговорила свободно и легко об интересовавшем его предмете. Он почувствовал себя лучше и даже глубже уселся в кресло, продолжая, однако, крепко держаться за ручки, словно опасаясь, что оно уйдет из-под него и он шлепнется на пол. Ему удалось подсказать тему, ей близкую, и теперь он напряженно слушал, удивляясь тому, как много знаний укладывается в ее хорошенькой головке, и наслаждаясь созерцанием ее хрупкой

красоты. Он старался понять то, что слышал, хотя незнакомые слова, так просто слетавшие с ее губ, повергали его в недоумение, да и весь ход ее мысли был ему совершенно чужд. Однако все это заставляло работать его мозг. Вот где умственная жизнь, думал он, вот где красота, яркая и чудесная, какая даже не снилась ему. Он забыл все окружающее и жадными глазами впился в девушку. Да, вот это — то, для чего стоит жить, чего стоит добиваться, из-за чего стоит бороться и ради чего стоит умереть. Книжки говорили правду. Бывают на свете такие женщины. Вот одна из них. Она окрылила его воображение, и огромные яркие полотна возникали перед ним, и на них роились таинственные, романтические образы, сцены любви и героических подвигов во имя женщины — бледной женщины, золотого цветка. И сквозь эти зыбкие, трепетные видения, как сквозь чудесный мираж, он смотрел на живую женщину, говорившую ему об искусстве и литературе. Он слушал и смотрел, не подозревая, что в его глазах, в устремленном на нее пристальном взгляде отражена вся мужская сущность его натуры. Но она, мало знавшая о жизни и о мужчинах, вдруг по-женски насторожилась, поймав его пылающий взгляд. Еще ни один мужчина не смотрел на нее так, и этот взгляд смутил ее. Она загнулась и умолкла. От нее вдруг ускользнула нить рассуждений. Этот человек пугал ее, и в то же время ей почему-то было приятно, что он так на нее смотрит. Привитые воспитанием навыки предостерегали ее против опасности и силы этого таинственного, коварного обаяния; но инстинкт